

Прощание

Сэтоши Мотидзуки

Этот день начался сильным дождём с громом и холодной погодой. В новостях сказали, что со стороны Курильских островов, в общем откуда-то с севера, идёт какой-то шквалистый ветер. Объявлено штормовое предупреждение. И в такую погоду уходить совершенно не хотелось. Но это был третий день условий, которых поставил отец, и тянуть дальше не было возможности. Он всегда старался делать всё в срок, но в этот раз он совершенно не понимал, что ему нужно делать, как дальше жить, чем заниматься. Ему было больно и страшно. Ему хотелось поговорить с отцом, попросить у него прощения, но это было бесполезно. Он был сам виноват в этом, и он сам должен был понести наказание.

Эти дни он не видел отца. Утром после попойки, проснувшись на полу в своей комнате, он снова испытал отвращение к себе. Потом, переодевшись в домашнюю одежду и скомкав вещи, которые уже не подходили для стирки, он тихо вышел из комнаты. Дома было тихо. Отец был на работе, а мама куда-то ушла. Это было к лучшему, и он очень быстро принял душ и выпил чаю. Собравшись со своими мыслями, он поехал в офис. Там уже все знали о том, что он увольняется, но он ничего не сказал, хотя молодые сотрудницы, особенно Нанами-сан, которая после караоке стала приставать к нему чаще обычного, пытались это выяснить. В результате он ограничился только "это моё решение, и я к нему долго шёл". А потом, забрав зарплату, уехал.

А остальные дни он старался не попадаться на глаза родителям. Ему было больно, его сердце разрывалось от боли, когда он, сидя на подоконнике в своей комнате, слышал, казалось бы обычные разговоры родителей в столовой. Он хотел извиниться или вечером сказать отцу три простых слова, которые после определённого возраста никогда не говорил ему. Да и отец тоже не говорил ему, что любит его. Но только сейчас он понимал, что должен был хоть раз ему сказать вечером, что любит его. Пусть бы потом отец считал его сопливым мальчишкой, а не взрослым человеком, но сейчас он был уверен, что если это скажет, то отец ещё сильнее на него разозлится, посчитав его не только трусом, но и подлизой. Может быть это было не так.

Он глубоко вздохнул и взял рюкзак. Положил в него флейту и паспорт с письмом Маргариты, а фотографию матери убрал в ящик стола, надеясь, что когда-нибудь сможет вернуться в этот дом. Последний раз окинул взглядом свою комнату и вышел в коридор. В столовой сидели родители. Он остановился и посмотрел на родителей. Чуть дольше задержал свой взгляд на отце.

- Я... пойду... спасибо тебе за всё, то-сан. Я... - он закусил губу и опустил голову. Болезненно поморщился от этого комка слёз. Решив, что больше не сможет стоять, он подошёл к входной двери.

Путеводная Нить

С того вечера, когда Шотаро сказал сыну уехать в Токио, прошло совсем немного

времени, но для Мизуки эти дни стали чуть ли не самыми тяжелыми в ее жизни. Она впервые повысила на мужа голос, когда пыталась уговорить его отменить свое решение, но все было бесполезно. Он не желал ее слушать, хоть она и чувствовала, что решение далось ему нелегко. А Сэтоши... Сэтоши просто смирился со своей участью и начал готовиться к отъезду.

Мизуки пыталась уговорить свекровь повлиять на сына, но та, на удивление, встала на его сторону. Мотидзуки Чиеко посчитала, что мальчику стоит пожить самостоятельно и разобраться в себе и своих чувствах, поэтому в своем стремлении удержать сына дома Мизуки осталась одна. И, даже соглашаясь с чужими доводами, она не была уверена, что сможет спокойно смотреть на то, как он уходит.

Но вот подошел роковой день, которого она так боялась, и ее уже второй мальчик покидал родные стены, отправляясь в неизвестность. Она давно не плакала, но сейчас Мизуки чувствовала, что слезы сами наворачиваются на глаза. А Шотаро просто молчал, словно не реагируя на все происходящее и не слыша слова сына, когда тот пытался с ним попрощаться.

- Сэтоши, - она не удержалась и сорвалась со своего места, чтобы успеть обнять сына до того, как тот пересечет порог. Да, он не был ее родным ребенком, но с того момента, как ее руки коснулись его крохотные пальчики, а в сначала немного испуганных детских глазах проявились первые проблески доверия, этом мальчик поселился в ее сердце. И пусть Мизуки понимала, что он уже давно взрослый и в состоянии справиться с бытовыми трудностями без поддержки семьи, ей все равно было страшно его отпускать, особенно в том состоянии, в котором он находился после недавней ссоры с отцом в его кабинете.

Сэтоши Мотидзуки

Он надел ботинки, а потом подумал, что к его джинсам, рубашке навыпуск и спортивной куртке подойдут кроссовки. Он считал, что так станет незаметным и не будет похож на наследника империи Мотидзуки. Нужно попытаться жить другими принципами, другой жизнью. Нужно постараться доказать всем, точнее самому себе, что он может жить самостоятельно. Он любит цветы, он может стать флористом, пусть у него нет специального образования. Он поработает помощником, потом поступит в колледж и станет известным флористом. Кто знает - может это его шанс на новую жизнь.

Он надел кроссовки и, глубоко вздохнув, закрыл глаза. Ему было больно и страшно. Он боялся, что не справится. А если у отца будут проблемы? Он ведь не такой, как дядя Тору, который просто плюнул на все, вечно бунтовал, а потом много лет не общался ни с кем из семьи. Он всегда действовал так, как требовали от него родители. Он не был против этого. Только он действительно оказался трусом.

Когда мама подошла к нему, он снова почувствовал этот предательский комок слез и опустил голову. Ему стало настолько больно, что он не удержался от слабого стоны. Поднял голову.

- Я... спасибо вам за все, ка-сан. И... простите меня, но... я понимаю, что он меня никогда не простит за этот срыв. Я себя сам никогда не прощу. Пожалуйста, не

вините его, это, наверное, должно было случиться. Я... напишу, если устроюсь куда-нибудь. Или позвоню, - дрожащим голосом сказал он, понимая, что еще немного, и будет реветь как девчонка. Лучше бы его никто не остановил.

Он открыл дверь.

Путеводная Нить

Ей было больно видеть сына таким подавленным, но Мизуки понимала, что он действительно должен уйти, и она ничего не сможет с этим поделать. Ей оставались только ожидание, редкие звонки и сообщения, как это сейчас выходило с Джуном. Но Джун... Он всегда был самостоятельным. Быстро научился ходить и никогда особенно не цеплялся за ее юбку. А Сэтоши всегда казался домашним и ранимым... Хотя она и не сомневалась, что они воспитали сына достаточно хорошо, чтобы он смог справиться с ожидающими его жизненными трудностями.

- Он, простит... - Мизуки устало выдохнула. - Уже простил, хоть и не может этого признать. Упрямец...

Она хорошо изучила своего мужа, поэтому понимала, что ему сейчас очень нелегко, но все равно злилась на его неспособность хотя бы нормально попрощаться с сыном, пожелать ему успехов и показать, что в любом случае будет его ждать. Как бы Шотаро не пытался стремиться к недостижимому образу отца, он не был Мотидзуки Рэном и никогда бы не сказал своему сыну, что тот больше не должен иметь ничего общего с их семьей. За это она его и ценила, и именно это качество и стало для нее решающим, когда Мизуки принимала решение выходить ли замуж за человека, мало похожего на мужчину из ее девичьих фантазий.

- Я... тоже буду тебе иногда звонить, если ты не против. Мы будем тебя ждать. Я и твой отец. Не сомневайся.

Она не удержалась и все-таки обняла Сэтоши, в который раз поражаясь тому, что маленький мальчик превратился в мужчину. Как бы Мизуки не пыталась оттянуть момент расставания, он неумолимо приближался, но она упрямо цеплялась за возможность провести рядом с сыном еще пару минут до того, как он выйдет за дверь и закроет ее за собой.

Сэтоши Мотидзуки

Отец не выходил, и от этого становилось больнее и неприятнее на душе. Он надеялся, что отец простил его или когда-нибудь простит, но боялся, что он действительно не захочет его видеть, пока эти сто восемьдесят дней не пройдут. Возможно, Сэтоши сам был виноват в том, что запустил свою жизнь, никогда никуда не выезжая, не имея друзей, к которым можно попроситься пожить на первое время, но ему всегда было хорошо дома, с семьей. Он не хотел разлучаться. Не при таких обстоятельствах.

- Я... - он не нашелся, что сказать на ее речь, и тоже обнял ее. В какой-то момент он увидел себя - снова маленького мальчика, которого мама обнимает, успокаивая после очередного неприятного разговора с отцом. Сильно зажмурился и, глубоко вздохнув, через какое-то время отстранился от нее. Поцеловал в щеку, как это

иногда делал, и снова опустил голову. Он очень хотел, чтобы сейчас вместо матери здесь стоял отец, но это было невыполнимое желание. Отца здесь не будет, и надо просто смириться.

- Передай ему, пожалуйста, что я его люблю и, если он позволит, буду звонить ему. Хотя... - он поставил рюкзак на пол и, скинул кроссовки, - я сам это скажу.

Он прошел к столовой и, помявшись немного у входа, подошел к отцу. Робко протянул ему руку для рукопожатия.

- Я... люблю тебя. Я прошу у тебя прощения, что наговорил тебе столько всего. Я пойму, если ты меня никогда не простишь за те слова в адрес моей матери. И... пожалуйста, береги себя...

Кажется, сейчас он был красным как вареный рак. Но что поделать, все совершают странные поступки. Наверное, другие люди, почувствовав свободу, ушли бы с удовольствием из клетки. Но Сэтоши было страшно. И из-за того, что теперь не будет никого рядом с родителями. Вот такой он был - добрый, наивный. И где-то в душе маленький мальчик, который просто хочет, чтобы отец хоть чуточку подобрел и обнял, утешил, успокоил. Неправильный и слабый человек...

Путеводная Нить

После того неприятного разговора с сыном в его кабинете, Шотаро с ним больше толком и не общался. На следующий день он, как и обещал, решил все вопросы с его расчетом, шокировав брата с племянником и рядовых сотрудников компании, впервые сталкивающихся с неожиданным увольнением кого-то из Мотидзуки. А дальше он просто ждал того часа, когда сыну придется уйти, боясь лишний раз перекинуться с ним и словом, чтобы не сорваться и не поддавшись на уговоры жены, чьи доводы и так резали его словно ножом, и не отменить свое решение.

Когда Сэтоши собрался уходить, Шотаро так и не нашел, что сказать на слова прощания. Сын поблагодарил его и пошел к двери, а он просто молча посмотрел ему вслед, понимая, что ведет себя совершенно неправильно, не находя в себе сил подняться с места и его проводить, что легко смогла сделать Мизуки, которая хоть и не была для мальчика родной матерью стала ему ближе, чем он сам.

Он краем уха слышал о чем говорят жена и сын, поэтому знал, что тот не уйдет, пока не скажет ему последние слова. Но все равно, когда тот вернулся в столовую и, протянув ему руку, сказал о сыновней любви, Шотаро настолько растерялся, что смог, после некоторых колебаний, ответить только вялым рукопожатием, промямлив нечто неразборчивое, непонятное не только для сына, но и для него самого.

Прощание затягивалось, и он мечтал о том, чтобы этот мучительный момент скорее закончился. Ему казалось, что еще пара слов от Сэтоши, и он пошлет куда подальше все свои планы по воспитанию сына, но понимая, насколько глупо все это было бы после всех его последних действий, с трудом сдерживался, стараясь до последнего сохранять маску строгого отца, твердо уверенного в своем решении.

Сэтоши Мотидзуки

Он рассчитывал непонятно на что, и, в принципе, он совершенно не удивился вялому рукопожатию. Подавив в себе вздох, он кивнул и, снова посмотрев на отца, ушёл. Снова поцеловал мать в щёку и, взяв свой рюкзак, вышел на лестничную клетку. Он не хотел оборачиваться и просто оставил дверь открытой. Через какое-то время услышал, что она захлопнулась, и остановился. Хотелось обернуться, но нельзя этого делать. Не то, чтобы он верил в какие-то приметы, просто считал, что не стоит возвращаться к прошлому. На целых шесть месяцев он стал вольной птицей, и следовало ловить птицу удачи за хвост.

Он всегда сомневался. Боялся. Боялся, что не сможет справиться. Но сейчас он остался совсем один, и ему казалось, что признавать свои ошибки после того, что он наговорил отцу совсем неправильно. Он был уверен, что отец не такой, каким был дед, который дяде Тору сказал, что не желает его видеть и знать, но боялся лишиться возможности снова его увидеть, если будет сейчас показывать свои сопли. Значит, надо справляться самому. Значит, надо не упасть лицом в грязь. Вот Джун прямо сразу уехал в Китай, хотя брат всегда был общительный, и у него вечно была толпа друзей. А у него, Сэтоши, нет никого. И, что самое печальное, у родителей тоже не так чтобы много друзей.

Он вышел из подъезда и с тоской посмотрел на серое небо. Шёл сильный дождь, и он подумал взять зонтик, но решил потом, что из-за такого дождя от зонта пользы не будет совсем. Накинув капюшон на голову и поправив портфель, он ушел в дождь, чтобы дойти до остановки автобуса и доехать до вокзала. Денег было не так много, и до Токио было дешевле добраться на поезде, нежели чем на автобусе. Про такси и речи не было. Он купил себе билет на поезд и сел на указанное место. Прислонился к оконному стеклу и прикрыл глаза, стараясь не думать, что его ждёт в большом городе Токио, в котором он был несколько раз, но никогда не был один.
